

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ НЕЖНОСТИ

В эту пору в жизнь Шукшина вошла новая женщина — редактор отдела прозы журнала «Москва», аспирантка Института мировой литературы (ИМЛИ) тридцатитрехлетняя Виктория Софронова, дочь драматурга и крупного советского литературного функционера, главного редактора журнала «Огонек» Анатолия Софронова. Ей, как уже говорилось, принадлежала опубликованная в первом номере «Знамени» за 1964 год рецензия под названием «Талант души» на книгу Шукшина «Сельские жители». Вслед за тем произошло знакомство.

«Заказали столик, и вдруг туда же заходит Шукшин, — вспоминала она их первую встречу в Центральном доме литераторов. — С Беллой Ахмадулиной. У них тогда заканчивался роман, и это был их прощальный вечер. С ними были еще Андрей Тарковский с женой. Случайно или нет, но мы оказались с Шукшиным за столиками лицом к лицу. И весь вечер смотрели друг другу в глаза. Хотя мне, в общем-то, несвойственна такая смелость. Потом он меня нашел. Я тогда только развелась с мужем*, детей не имела... Жили мы <с Шушиным> вместе, но Вася часто был в разъездах, на съемках. Когда приезжал, к нам приходили его друзья: оператор Саша Саранцев, Вася Белов. Мы все спорили. Я и мама защищали советскую власть, а Вася

*Первым мужем Виктории Софроновой был довольно активный в ту пору литературный критик Дмитрий Стариков.

ругал. У него же отец был репрессирован. И он вообще очень отличался от всех. В шкафу, например, у него стояла иконка. Я Шукшина очень любила. А он был ревнив. Однажды даже подрался с Саранцевым из-за того, что тот, прощаясь, меня поцеловал. Однажды он позвал меня на родину, в Сrostки. Мать и сестра Василия мне показались строгими, но хорошими. До тех пор, пока мы с Шукшиным были вместе, они поддерживали со мной отношения. Потом с Васей что-то произошло, он охладел. Я поняла, что мы скоро расстанемся. Сказала об этом ему. И вскоре забеременела...» («Неизвестное об известном»).

Недавно опубликованные письма Шукшина к Виктории Софроновой дополняют и уточняют этот рассказ. Летом 1964 года Василий Макарович писал ей из Судака, где находился на съемках фильма «Какое оно, море?»: «Вика, ради Христа, послушай меня. Послушай, родная. Это ведь не так просто — что ты задумала. Я понимаю, что иначе — тоже не просто, труднее, но... и не знаю, что говорить. Но знаю, что из того положения, о котором я прошу, есть выход, куда более простой и человечный. Не торопись во всяком случае. Соberись с духом».

Ответных писем мы не знаем, но можно с большой долей вероятности предположить, что речь шла о сомнениях женщины в связи с наступившей беременностью — как ей поступить: оставить ребенка или нет? Шукшин страстно хотел стать отцом, однако Виктория Анатольевна взяла измучившую Василия Макаровича паузу, но потом все же ответила утвердительно. И вот он счастливо пишет ей:

«Родной ты мой, пушистый дружок! Ты все перепутала: опоздать можно на свидание, а ты опаздываешь с письмом. Я уже черт знает что передумал. И какую ты же мне подарила радость, наконец, прислав письмо.

Ви-ка!!! Люба моя родная!.. Что я тебе могу сказать? Назвать храброй — мало и скучно. Отчаянной — боюсь, ибо понимаю, что отчаяние — не доблесть, и в любую минуту отчаяние перейдет в поступок совсем малодушный. И все-таки что же я скажу-то?! Спасибо, любимая моя, я помню, как мне легко с тобой, как хорошо и интересно. Только «не буди меня уж на рассвете» и не рассказывай, что Калинин — «ужас» какой интересный писатель. Не обижайся, но правда, интересных писателей сегодня нет. <...> Правда, ты хорошая. Я... хм... Милая, у меня такой «девятый вал» нежности. А нежности я всегда стыдился. Ну, расскажи мне что-нибудь сама, я люблю ВАС, мой милый, милый дружок. Господи, я никогда столько сразу «разных» слов не говорил. Мне как-то гордо сейчас и радостно. Не отними у меня этого; я все об этом. Пожалуйста... родная, уютная, колеблющаяся...

ПРОЖИВЕМ!

Напиши мне. А ты — скупая на ласку, и много думаешь о том, что скажет... Почему: «Могу и поцеловать»? А я — целую —

Василий.

...А картину смотри только мою!!!

А с письмом больше — не опаздывай! Мне — больно».

Это была реакция Шукшина на известие о том, что Виктория Анатольевна решила сохранить ребенка. Письма Шукшина однозначно свидетельствуют: эту женщину он очень любил, был с нею нежен и заботлив — вопреки встречающимся порою домыслам, что якобы это была случайная связь, случайно кончившаяся беременностью. И уж тем более нелепыми и бесчестными выглядят утверждения, будто ребенок был не от Шукшина. Нет, от Шукшина, и Викторину Анатольевну Василий Макарович любил, уважал,

а почему не сложилась их семейная жизнь — вопрос это тонкий, непростой. Можно предположить, что помимо моментов личных, обсуждению не подлежащих, свою роль, пусть не самую важную, но для понимания Шукшина весьма существенную, могло сыграть то, что сухо называется социальным неравенством.

Они оказались представителями слишком разных страт советского общества, и когда оба были представлены семьям друг друга (она — его матери и сестре в Сростках, а он — убежденному партийцу и государственнику Софронову в Москве), эта разница проявилась особенно остро.

Поначалу Марии Сергеевне, судя по всему, Виктория Анатольевна пришлась не по нраву, точно так же как не понравилась ей до этого Лидия Александровна. Возможно, она подсознательно еще надеялась на то, что сын обрывается и вернется к Шумской либо заберет ее в Москву, где у него уже была своя, купленная в мае 1964 года кооперативная квартира, может быть, что-то еще, но даже очень деликатные воспоминания Виктории Анатольевны о ее пребывании в Сростках поздним летом или ранней осенью 1964 года (когда она уже была беременна) показывают, как нелегко ей в этом доме и в этой семье пришлось.

«В какой-то момент мне показалось, будет лучше, если я тихонько уйду. В моем положении предлог был куда как хорош. Я выбралась в другую комнату и прилегла. Через какое-то время, так же тихонько, думая, что я сплю, в комнату пробрался Вася:

– Ты не спишь? Я думал, задремала... Ты что, из-за пальца ушла?

– Какого пальца?

– Ну, у мамы, когда суп раздавала, палец в тарелку попал.

– Да ты что, Вася, устала просто немного. Какой палец? Я и не заметила вовсе.

Это была правда. Я не видела этого «пальца». Он же увидел, заметил, матери, разумеется, не сказал ни слова, ни тогда, ни позже.

– А, ну, отдохай... — Вася поцеловал меня и вернулся к гостям.

Только мы сели в самолет, который должен был приземлиться в Москве, Вася весь внутренне подобрался, сосредоточился, ушел в себя. В самолете мы почти не говорили. Мрачные мысли не отпускали его до конца полета. Так Василий Макарович Шукшин перелетал из одного мира в другой.

Когда мы вернулись из Сросток, я начала получать письма от Марии Сергеевны и Наташи. К сожалению, не я первая отправила письмо. За то себя корю. Одно могу сказать с чистой совестью, ни одно их письмо не осталось без ответа и ни одна просьба не осталась невыполненной...»

И действительно, впоследствии отношения Марии Сергеевны и Натальи Макаровны с Викторией Анатольевной сделались очень добрыми, они навещали ее в Москве, обменивались письмами, посылками, подарками, и Шукшина это очень радовало. Он писал матери про оставленную им женщину и свою удочеренную в 1972 году Катю: «...они люди хорошие, а тебе до наших дел нет никакого касательства, а до внучки есть». Но как знать, возможно, все это было немножко поздно...

Что же касается встречи двух писателей, Софронова и Шукшина, то здесь конфликт был более глубокий. В личную жизнь взрослой, уже побывавшей к тому времени замужем дочери Софронов лезть не собирался. Но обойти жизнь общественную, не обозначить свои точки противостояния Василий Макарович и Анатолий Владимирович не могли, и это вещь принципиальная, многое в характере и судьбе Шукшина объясняющая.

Виктория Софронова была абсолютно права, когда проводила в своих мемуарах «Неизвестное об известном» грань между «государственниками» и «деревенщиками». И особенно жестко эта грань обозначилась в противостоянии с самым резким из них. Недолгий разговор Шукшина и Софронова на нейтральной, хотя и идеологически сильно окрашенной территории — в редакции «Огонька» — был не просто неловкой беседой двух мужчин, один из которых был отцом взрослой дочери, а другой — то ли собирающимся, то ли нет жениться на ней «хахалем», от которого дочь забеременела («Встреча в «Огоньке» была напряженной и недолгой. Вася все больше молчал. Отец тоже говорил немного. Я пыталась как-то растопить лед, не могу сказать, что мне это удалось. Помню фразу отца: “Ну что ж, если вы решили строить семью, счастья вам”») — это была в символическом смысле встреча народа и государства, мужика и высокого советского начальника, и у каждого была своя правда.

Нет сомнения, что политические взгляды Шукшина к тому времени сформировались очень четко. Все, что происходило в России и с Россией в XX веке, было для него, говоря словами Пришвина, войной между мужиками и большевиками, в которой Шукшин был однозначно на стороне мужиков, относясь к государству, и не только советскому, но и дореволюционному, как к силе ему и его сословию враждебной. Софронов же, сын начальника харьковской полиции*, удачливый советский функционер, автор лирических стихов, в том числе ставших популярными песнями («Шумел сурово брянский лес», «Расцвела сирень» и др.), неплохой драматург комедийного жанра и, по свидетельству литературного критика Сергея Боровикова, автор термина «безродные космополиты», генетически являл собою другую ветвь. Это было историческое противостояние, поднимавшееся гораздо выше идеологических перебранок между тогдашними «Новым миром» и «Октябрем». Это было противоречие русское, глубинное, трагическое, пусть даже об этом, тотальном, разводящим их в разные стороны противоречии они не сказали ни слова. Но в иных случаях молчание значит больше разговора, а подтекст важнее текста.

Шукшин не был готов идти под крыло сановного тестя, у него на крупное начальство была аллергия, и чем выше начальник, тем аллергия сильнее. «В дурачке, который ходит у нас по улице, больше времени — эпохи, чем в каком-нибудь министре», — записал он еще в начале 1960-х. Но значит ли это, что Василий Шукшин и Виктория Софронова не поженились лишь по той причине, что ее папа был литературным боссом, идейным коммунистом, олицетворявшим в глазах Шукшина действующую власть, да к тому же связанным с определенными кругами, с которыми Шукшин не желал либо опасался сблизиться?

Подобную точку зрения высказала подруга Виктории Анатольевны Валентина Левочки в книге «Новеллы из моей жизни»: «Почему не сложилось у Виктории с Василием Макаровичем, мне трудно сказать при всей Викиной откровенности. Одной из причин их расставания Виктория Анатольевна называет отца, Анатолия Владимировича Софронова. Многолетний редактор

* Человека тоже с очень горькой судьбой, еще раз доказывающей, как все сложно и неоднозначно в нашей истории: в 1926 году Владимир Александрович Софронов, юрист Северо-Кавказского военного округа, был расстрелян «за связь с контрразведкой Белой армии» в годы Гражданской войны. Но, в отличие от Шукшина, Анатолий Владимирович Софронов гамлетовским комплексом не страдал.

«Огонька», вхожий в самые высокие кремлевские кабинеты, автор, чьи пьесы шли по всем театрам Советского Союза, и чье слово очень много весило для состоявшейся литературной карьеры любого писателя, он действовал на незаискусимого, мятущегося Шукшина как весьма раздражающий фактор».

Да и сама Виктория Анатольевна с горечью признавала: «О взаимоотношениях Софронова и Шукшина уже писали, и в этих писаниях много нелепого, вплоть до того, что Софронов-де женил перспективного Шукшина на своей дочери и вцепился в него своей железной хваткой. И каково же, мол, было несчастному Василию Макаровичу брести, понутив голову, из вольнолюбивого «Нового мира» в дом Софронова, погрязший в косности. Что-то в этом роде. И смешно, и руки в бессилии опускаются от этой подлой лжи <...> Анатолий Владимирович сохранил достаточно сдержанное отношение и к самому Василию Макаровичу, и к его творчеству, хотя никогда ему и не мешал. Зная отца, могу сказать, что в основе этого отношения лежали меньше всего личные перипетии. «Государственник» Софронов не мог с открытым сердцем заключить в объятия «деревенщика» Шукшина. Василий Макарович никогда не просил меня познакомить его с отцом, но вместе с тем я не чувствовала в нем какого-то внутреннего сопротивления этому. Скорее даже наоборот. При этом не мог не задумываться он и над тем, что зятю Софронова вход и в «Новый мир», и во многие издательства, и в кино был бы заказан. Так что разговоры об отвращении Шукшина к «косности» софроновского дома в противовес «вольнолюбивому» «Новому миру» можно оставить для тех «мечтателей», кто привык укладывать жизнь в прокрустово ложе своих представлений о ней».

В этом горьком свидетельстве можно при желании углядеть нестрогий, но все же упрек в адрес Шукшина: не женился, потому что боялся, что станет говорить княгиня Марья Алексевна, опасался, что ему навсегда откажут в «Новом мире», испугался гнева со стороны всемогущественного Ромма (как мы помним, изничтожившего Софронова в 1962 году). Конечно, могли бы и отказать — с них станется. Только умозрительная версия о шукшинской осторожности, робости, нерешительности абсолютно не вяжется с безоглядным характером нашего героя. В конце концов, если бы он был так уж расчетлив и боязлив, если бы так пекся о собственной репутации в глазах либеральной интеллигенции, то не стал бы с Софроновой изначально никаких дел иметь, не стал бы умолять ее оставить ребенка, не возил бы в Сростки, не печатался бы в журнале «Москва», не писал бы ей искренних писем и не показывал письмо Виктора Некрасова и пр., и пр. Скорее уж этот несостоявшийся брак доказывает, что Василий Макарович не пытался через Софронова и его семью устраивать свои дела и строить карьеру, в чем его иногда обвиняли люди недоброжелательные и недалекие либо обиженные на него женщины, но и не боялся мести со стороны ее очень влиятельного отца. Вообще ничего не боялся.

* Виктория Софронова ссылалась в данном случае на Григория Свицкого, писателя-эмигранта, автора книги с пышным названием «На лобном месте»:

«Честнейший, словно «без кожи», человек <Шукшин>, едва став известным, попал в капкан. Кинулась к нему со всех сторон нечисть. Ты, мол, наш, деревенский, русский, исконный. Поселили его у дочери Анатолия Софронова, повезли к Шолохову. Каково-то было ему печататься в «Новом мире» у Твардовского, а домой ехать — к Софронову. Жизнь, которой, как известно, руководил Отдел культуры ЦК КПСС, подталкивала его в спину — к шолоховым и софроновым. Сердце же рвалось — к правде...»